

СТАРИННЫЕ ЧАСЫ

Дверь открыл худощавый крепкий старик. Я шагнул в коридор и... попал в прошлое: квартиру заполняла старая мебель - книжные полки, шкафы, комоды, картины, всевозможные фигурки и еще бог знает что - я плохо разбираюсь в таких вещах: все это для меня - финтифлюшки. В углу комнаты стояли внушающие уважение напольные часы.

- Не идут? - спросил я, кивнув на неподвижный маятник.

- Им больше ста лет, - сказал Болотов. - Нужен хороший мастер...

Заметив на столе аккуратно сложенные газетные вырезки со стихами, папки и книги с закладками и сообразив, чего ждет от меня хозяин, я применил отвлекающий прием: «Как в антикварной лавке», - сказал, оглядывая комнату.

Болотов довольно хмыкнул: «Здесь моя почти пятидесятилетняя зарплата».

Почувствовав неподдельный интерес гостя, хозяин стал рассказывать о вещах и о жизни.

Он учился в Ленинградском горном институте. За время учебы обошел все музеи города, и не по одному разу. И затем, когда приезжал в Ленинград по делам, всегда выкраивал время, чтобы сбежать в Русский музей или Эрмитаж. «Я помню все залы Эрмитажа, - сказал он с особым удовольствием. - Помню, где висит каждая картина». «Неужели?» - удивился я. «Да, - сказал он. - Сам поражаюсь своей памяти. Помню каждый день жизни. Москву 41-го года, товарищей своих, с которыми с 1936 года учился. Помню, в чем они ходили. Голоса их помню. Мне достаточно один раз голос услышать - запомню - это моя особенность. Во время войны она меня не раз спасала...»

Вот за эту самую фразу о голосах я и зацепился...

ГОЛОСА ВОЙНЫ

Институт Болотов окончил 26 июня 1941 года. И в тот же день записался добровольцем в пролетарскую дивизию народного ополчения. Но через 15 дней его разыскал комиссар Ленинграда. «Мы вам дали месячную стипендию, чтобы вы ждали распоряжений, а вы сунулись добровольцем, - орал он. - Нам нужны специалисты. Направляю вас на учебу в Военно-инженерную академию имени Куйбышева. Сегодня же вечером быть у Московского вокзала с левой стороны».

Так Болотов попал на специальные курсы, готовившие минеров-подрывников.

По их окончании его направили в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения НКВД СССР, которая, кстати, была создана 26 июня 1941 года. Подчинялась она 4-му управлению НКВД, которым руководил небезызвестный ныне Павел Судоплатов. Цель бригады: борьба с диверсантами противника на нашей территории и организация диверсионных групп и партизанских отрядов в тылу врага...

Леонид Александрович берет лежащую поверх папок книгу; кивая на закладку, протягивает мне: «Прочтите, прошу вас».

Мемуары Судоплатова «Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930-1950 гг.». Закладка на странице 198, выделен абзац: «Мы сразу же создали войсковое объединение особой группы Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения ОМСБОН НКВД СССР, которой командовали в разное время Гриднов и Орлов. По решению ЦК партии и Коминтерна всем политическим иммигрантам, находившимся в Советском Союзе, было предложено вступить в это соединение этой особой группы НКВД. Бригада формировалась в первые дни войны на стадионе «Динамо». Под своим началом мы имели более 25 тысяч солдат и командиров. Из

них две тысячи иностранцев: немцев, австрийцев, испанцев, американцев, китайцев, вьетнамцев, поляков, чехов, болгар и румын. В нашем распоряжении находились лучшие советские спортсмены, в том числе чемпионы по боксу и легкой атлетике. Они стали основой дивизионных формирований, послылавшихся на фронт и забрасывавшихся в тыл врага»...

Первое боевое задание Болотов выполнял в Москве.

12 октября 1941-го новоиспеченным минерам сказали, что решено заминировать наиболее важные объекты столицы. На долю Болотова выпал Московский электротехнический завод. В ночь с 12-го на

13-е он прибыл на место и... испугался: такую машину надо было заминировать за 10 дней, а он - один. Но директор завода Иван Дмитриевич Иванов успокоил: «К утру будет отряд из пятидесяти рабочих и служащих - их надо только научить». На его счастье, в отряде оказалось шестеро бывших саперов - они помогли обучать остальных. Первое, что сделал Болотов, - показал, как действует 200-граммовая толовая шашка: положил на бронированный лист железа и взорвал. Лист разнесло в пыль. На завод завезли 20 тонн тола. Болотов боялся одного - непроизвольного взрыва. Сложность была в том, что завод продолжал работать: более десяти тысяч человек на казарменном положении - в цехах работали и жили все три смены. Домой отпускали только кормящих матерей.

Заминировали завод за десять дней. Но взорвать не пришлось - Москва выстояла, а 6 декабря немцев погнали прочь. И Леонид Болотов - теперь уже лейтенант - стал заминировать мосты, дороги, правительственные объекты, расположенные на подступах к столице.

Затем его направили на подготовку партизанских отрядов в Тульскую область. В областном управлении НКВД познакомили с

Леонид Болотов в ноябре 1941-го.

группой будущих партизан. Там он и столкнулся впервые с необычным требованием: по голосу нужно было узнавать того, с кем предстояло работать...

В июле 42-го прибыл в Сталинград - приказали заминировать Сталинградский тракторный завод. «До сих пор сердце кровью обливается при воспоминании, - скажет он. - А ведь я - посторонний. Но был у меня в группе начальник сборочного - главного - цеха; он, когда минировали, не скрываясь, плакал и говорил: «Своими руками построил - здесь вся моя жизнь». Заминировали завод быстро, но 23 августа случился массированный воздушный налет - около 2 тысяч

столкнулся с власовцами. «Они минировали тонко и хитро», - скажет он. «Но ведь и они прошли советскую школу минирования», - замечу я. «Не приведи бог, - ответит он. - Видели когда-нибудь деревенские ворота? Там, чтобы собаки не лезли, есть подворотня - специальная доска. Они даже эти доски минировали».

Потом был Киев. Болотов разминировал Театр оперы и балета им. Тараса Шевченко и здание ЦК компартии Украины. После Киева - Крым, Кавказ...

Так и шел по войне: в одном месте минировал, в другом - разминировал.

А что касается слуха, то в один из моментов разговора я рассе-

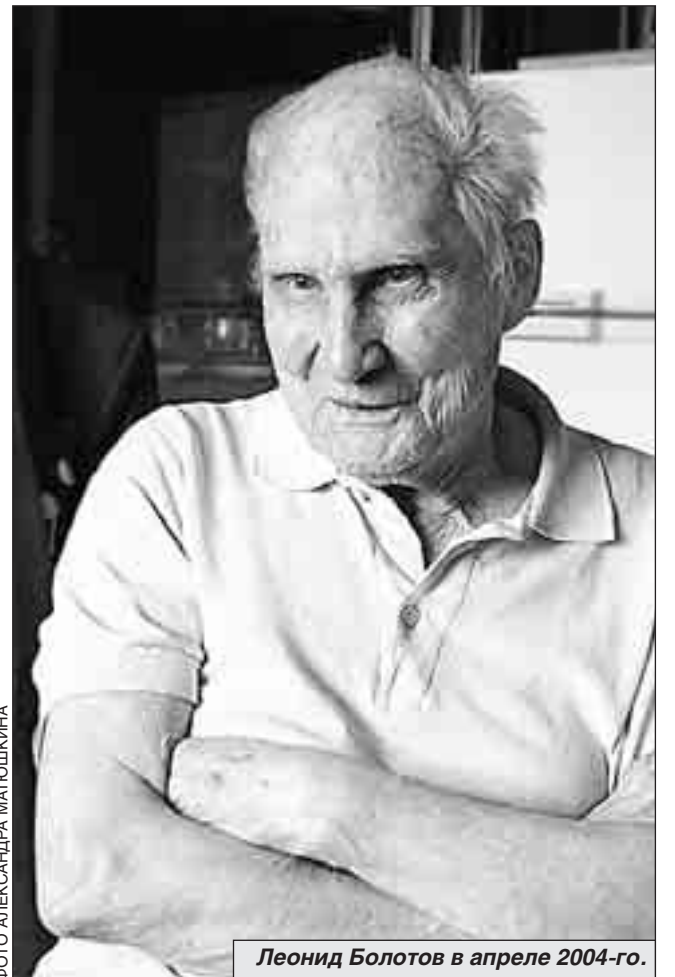
Он подходит к секретеру, достает тонкую папку. Здесь заявление Болотова начальнику главного управления кадров Министерства внутренних дел, в котором просит предоставить выписку из личного дела, которая бы подтверждала его службу в ОМСБОНе и участие в боевых действиях, в том числе в партизанском движении. Ответ из Российского государственного архива, датированный 2003 годом: «В Центральном архиве МВД СССР... сведений на него (Болотова. - В.Д.) не имеется...» И, наконец, третий документ. Читаю: «Совершенно секретно. Народный комиссариат государственной безопасности Союза

- Без меня расскажут, - отвечает Болотов и смеется...

«...Общее развитие хорошее. В работе исполнитель и аккуратен. Свое решение провести до конца в жизнь умеет. Дисциплинирован. Оказывает заботу и внимание к своим подчиненным. Требователен к себе. Специальная подготовка хорошая. Имеет опыт решения тактических задач в боевой обстановке. Неоднократно выполнял спецзадания командования по линии 4-го управления НКВД СССР. С июня 42-го по февраль 43-го принимал участие в героической обороне Сталинграда. С 11.6.42 по 25.9.44 действовал в составе спецгруппы «Южная». В боевой

НЕ НАПИСАННЫЕ МЕМУАРЫ СЧАСТЛИВОГО ЧЕЛОВЕКА

Однажды позвонила постоянная читательница «МС» и попросила посмотреть стихи Леонида Александровича Болотова. Я начал было объяснять, что стихов не публикуем, но из факса уже ползли листки с рифмованными строчками. Пробежал глазами несколько строф: в основе архитектура лермонтовского «Бородин». Сунул в папку с пометкой «В работе». И как-то в марте, наткнувшись на них в очередной раз, вспомнил, как доброжелательная дама, предлагая вирши, заметила, что автор - фронтовик, участник известного парада 1941 года. Я позвонил Леониду Александровичу, и он пригласил меня в гости...

Леонид Болотов в апреле 2004-го.

Леонид Болотов в ноябре 1941-го.

летом немецкой авиации. Центр и северная часть города были уничтожены. От Сталинградского тракторного остались руины. 24 августа немцы вышли на Волгу. Болотов с разрешения командира Александра Вороницы влился со своей группой в саперный батальон.

Но вскоре пришел новый приказ: начать минирование самой крупной в то время электростанции - Сталинградской ГРЭС. Там стояли две новейшие немецкие турбины и две турбины Кировского завода, а также новенькие котлы: три французских и четыре таганрогских, а еще американское реле -

одно слово, очень дорогое оборудование. А рядом, на путях, 101 вагон оборудования, снятого с Днепрогэса. И это немцы хотели прибрать к рукам - вот и не бомбили. Минировать было сложно - немцы понимали: русские им ничего не оставят, взорвут - вот и насажали снайперов на высоту. Днем наши позиции как на ладони. И ночью спичку нельзя зажечь - на большом расстоянии огонь виден. Однажды командир батареи из блиндажа вышел, закурил. Через десять секунд две мины прилетели - и нет командира. Но особо охотились немцы на рабочих - засекут время смены бригад и бросают мины. Наши время меняли, но к вечеру немцы уже знали об этом. «Как?» - спрошу я Болотова. «В Сталинграде тоже были предатели, - ответит он. - Контра»...

После Сталинграда ему присвоили воинское звание старший лейтенант. И направили в Курск - готовить партизанские отряды. Шла рельсовая война - была нужна в грамотных взрывниках. И вновь Болотов ориентировался на обусловленные голоса: и при подготовке специалистов, и когда ставил фугасы против «пантер» и «тигров» во время Курской бит-

вылет немецкой авиации. Центр и северная часть города были уничтожены. От Сталинградского тракторного остались руины. 24 августа немцы вышли на Волгу. Болотов с разрешения командира Александра Вороницы влился со своей группой в саперный батальон.

янно ляпнул: зачем на голос ориентироваться - разве нет другого способа отличить своего от врага? Оказалось, нет. Во-первых, операции, как правило, проводились ночью, да еще в лесу. Во-вторых, в ОМСБОНе были лучшие минеры - немцы за ними настоящую охоту устроили. Вот почему важен был голос: его не подделаешь - самый лучший пароль...

ПО ТУ СТОРОНУ СЕКРЕТА

Спрошу его о параде 7 ноября 1941 года.

- Как минер-подрывник обеспечивал безопасность, - ответит он. - Надо ли объяснять, что означает обеспечивать безопасность парада, который принимал Сталин. Но я в колонне не шел, поэтому участником не признают.

- Документов должны остаться. - В военном билете у меня запись: участник войны с такого по такое-то. Только через 58 лет получил документы, в которых сказано, кем я был в то время. Сейчас увидите мою «секретную» биографию.

ССР. Послужной список. Болотов Леонид Александрович...» И дальше - все, о чем рассказал мне Болотов, только здесь еще и номера приказов, даты, награды. Беги глазами по строчкам. В разделе «Награды и поощрения» наткнулся на указ Президиума Верховного Совета СССР от 5.11.44 - орден Красной Звезды за образцовое выполнение спецоперации в тылу противника и проявленные при этом отвагу и мужество.

- Леонид Александрович, вы не говорили, что были в тылу врага. - И не надо.

- Скажите! Столько лет прошло - все давно рассекречено.

Но молчит Болотов...

Благодарность за успехи в выполнении боевых оперативных заданий в тылу врага. Еще одна...

- Расскажите, за что? У вас же отличная память.

Нет ответа.

Читаю вслух последнюю страницу документа: «Морально устойчив. Политически развит. Идеологически выдержан. Бдительен. Умеет хранить военную тайну»...

Вот уж действительно «умеет хранить!» До сих пор молчит как партизан...

- Но кому-то надо рассказать о том, что было, - делаю еще одну попытку я.

обстановке ориентируется. Быстро и правильно принимает решения. За участие в героической обороне Сталинграда награжден медалью «За оборону Сталинграда». Физически здоров. В походах вынослив. Начальник штаба отряда майор Гомберг».

- Вот какой документ я получил спустя 58 лет, - говорит Болотов и счастливо улыбается...

МИРНАЯ ЖИЗНЬ

Эти 58 лет мирной жизни Болотова столь насыщены событиями, что в пору книгу писать. Мои записи - лишь штрихи.

В июне 1945-го его вызвали к руководству - предложили учебу в Высшей школе НКВД, говорили о подготовке нелегалов. Отказался: геолог, дескать, горный инженер, хотел бы вернуться к мирной жизни. Вызвали в Смерш и спросили строго: «Почему отказался?» «Потому что не хочу», - ответил он. Оставили в покое. Но мирная жизнь началась с того, что его пригласили в недавно организованное 1-е главное управление при Совмине СССР - будущий Среднемаш, который займется разработкой и изготовлением атомной бомбы. 26 октября 1945 года он был на приеме у начальника управления Бориса Львовича Ванникова. А в